

дарству, считал, что под словом *stabula* следует понимать различного вида помещения для скота, включая и те, которые располагались по римским дорогам около постоянных дворов. G. Humbert пишет (стр. 1656) о них следующее: «Рядом с перекладными пунктами сооружались также часто постоянные дворы или гостиницы, называемые *stabula* или *tabernae*, где путешествующие частные лица, пешие или конные, находили себе приют для отдыха. Это были преимущественно извозчики, вольноотпущенники или рабы и вообще путешественники из низших сословий, которые являлись частыми посетителями этих харчевен. Хозяин постоянного двора (*stabularius*) помещал сверху над входом вывеску, иногда с изображением слова, петуха, журавля. Некоторые императоры, как, например, Адриан, распорядились соорудить лучшие постоянные дворы на определенных участках дорог». Если слово *stabula* в вышеупомянутой надписи рассматривать в том смысле, как это трактуется у G. Humbert¹⁶, где оно обозначает также и загон для скота и домашней птицы¹⁶ независимо от того, где эти загон были возведены, то возможно понимать под *stabula* постоянные дворы, отели, корчмы, гостиницы с хлевами и мелким хозяйством, где могли бы отдохнуть, перекусить, переночевать и развлечься неофициальные частные лица, пешие и конные, верхом или на телегах. Такого рода постоянные дворы воздвигались отдельно от государственных *mutationes* и *mansiones*, но, как правило, недалеко от них, где-нибудь по соседству. Пользование этими гостиницами представляло известное удобство для путешествующих. Со временем такие постоянные дворы разрастались и превращались в государственные станции: *mutationes* и *mansiones*.

Итак, открытая надпись дает нам следующие новые данные. Марк Аврелий в 175 г. или немного позднее полностью восстановил на свои средства по дороге Филиппополь — Эск — Дания все обветшалые постоянные дворы. Можно считать, что речь здесь идет не только о восстановлении хозяйственных помещений, имевшихся в большем или меньшем числе при всякого рода станциях, но также и о восстановлении полностью самих постоянных дворов.

Дим. Цончев (Болгария)

(Перевела И. А. Калоева)

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ ЭМБЛЕМЫ КОЛЛЕГИИ КВИНДЕЦИМВИРОВ НА МОНЕТАХ РИМСКОГО ИМПЕРАТОРА ВИТЕЛЛИЯ

Монеты Римской империи, как известно, представляют собой интереснейшие памятники античности. Разнообразные изображения, чеканившиеся на них, дают нам возможность судить о направленности социальной или религиозной политики того или иного императора, а следовательно, в известной мере и об идеологии римского рабовладельческого общества.

Среди изображений, встречающихся на оборотных сторонах монет Авла Вителлия (69 г. н. э.), обращает на себя внимание тип, не являющийся традиционным для римской императорской чеканки: треножник с шаровидным котлом; на нижнем кольце треножника, скрепляющем его ножки, сидит ворон; на крышке котла — дельфин; по сторонам всего изображения надпись полукругом: *XVVIR — SACR FAC* (Quindecimvir Sacris faciundis — «один из 15 мужей для выполнения священных обрядов»).

¹⁶ В таком смысле употребляется это слово в одной надписи из Прилеполе в Южной Югославии. См. Н. Вулч, Антични споменици наше земље, Београд. Српска краљ. академија, 1931, № 332, стр. 138.

Изображение треножника, ворона и дельфина на монетах императора Вителлия дано не случайно. В античной мифологии треножник, ворон и дельфин являлись главным образом атрибутами бога-прорицателя Аполлона Дельфийского. Так, о треножнике как атрибуте Аполлона античные авторы передают нам легенды, согласно которым в давние времена один греческий рыбак вытащил из моря золотой треножник, который, будучи отправлен в Дельфы и посвящен Аполлону (Plut. Sol., 4; ср. Pausan., III, 21, 7, IX, X, 13, 4), якобы сам получил таинственные способности прорицания (Verg., Aen., III, 144—146; Ovid., Met., XV, 635—636). Сообщаемый Овидием миф о борьбе между богами и гигантами, согласно которому боги, спасаясь от сторукого гиганта Тифея, приняли образы различных животных, птиц и рыб, а Аполлон превратился в ворона (Ovid., Met., V, 329), указывает на тесную связь между Аполлоном и вороном, которого, как вещую птицу, античные авторы называли дельфийской птицей (Petron., 122), спутником таинственного треножника (Stat., Theb., III, 506); эта связь, по-видимому, восходит к древнейшим представлениям. Наконец, в гимне Аполлону, приписываемом еще Гомеру, рассказывается, как однажды, приняв вид дельфина, Аполлон привел в Криссейскую гавань торговый корабль и приказал его экипажу воздвигнуть на берегу моря жертвенник под названием «Дельфы» для поклонения ему, Аполлону (Ad Apoll. Pyth., 216—368).

Эллинизирующее влияние на различные стороны жизни римского общества привело к официальному признанию римской религией греческого олимпийского пантеона, ряда греческих культов. В частности, идеи культа дельфийского Аполлона и, как внешнее выражение этих идей, атрибуты последнего — треножник, ворон и дельфин — были приняты жреческой коллегией квиндецимвиров, 15 членом которой, по постановлению сената, хранили пророческие, так называемые сивиллины книги.

Несмотря на то обстоятельство, что римские источники ничего не сообщают о причинах, побудивших Вителлия чеканить на своих монетах изображение треножника, ворона и дельфина как эмблему квиндецимвиров, сами условия, в которых протекало правление Вителлия, подсказывают возможный ответ: для упрочения авторитета его власти.

Являясь по своим личным качествам полным ничтожеством, чревоугодником и мотом, Вителлий, однако, не мог не учитывать всей сложности правления в обстановке гражданской войны. Волнения низших слоев общества — сельского населения провинций и рабов, недовольство имущих классов бесчинствами вителлианских солдат, напряженное положение в самой армии, отдельные представители и даже соединения которой понесли наказание за верность предшественнику Вителлия — Отону, наконец, низменные личные качества самого императора — все это отнюдь не содействовало авторитету и популярности Вителлия среди широких кругов населения Римской империи¹. В то же время в условиях войны не могло не возрасти значение жреческой коллегии квиндецимвиров². Этим обстоятельством, весьма вероятно, и воспользовался Вителлий.

Денарий Вителлия
(69 г. н. э.) (Собрание Гос. Эрмитажа)

¹ А. Г. Бокшанин, Социальный кризис Римской империи в I веке н. э., М., 1954, стр. 214—220.

² Деятельность этой коллегии заключалась, как известно, главным образом в том, что в период каких-либо бедствий или затруднений в государстве сенат поручал квиндецимирам запросить сивиллины книги, как умиловить богов, чтобы оградить государство сейчас и на будущее от возможных злоключений. Ответ жрецов предписывал, как и каких богов почтить, а в некоторых случаях учредить новый культ неизвестным до тех пор в Риме богам. Сивиллины книги, как и вообще оракулы древности, являлись в известной мере орудием власти в руках жрецов.

Поскольку римский император как верховный жрец состоял членом важнейших жреческих коллегий, то он являлся и одним из квиндецимвиров. Вителлий же первый и единственный из всех римских императоров отметил свое членство в данной коллегии чеканкой целого монетного типа — треножника, ворона и дельфина, снабдив эту эмблему надписью: «Один из 15 мужей для выполнения священных обрядов». «Легко себе представить, как естественно могла притти мысль, при отсутствии печатного слова, к использованию... легко подвергавшихся размножению и широко распространенных в практическом обиходе металлических памятников (монет. — В. Б.) для целей пропаганды популярности императора и его деяний»³. Именно такой характер носили монеты Вителлия с изображением треножника, ворона и дельфина, которые должны были популяризировать императора как квиндецимвира — предсказателя судеб государства.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что эмблема квиндецимвиров чеканилась Вителлием только на золотых и серебряных монетах. Известно, что право выпуска золотой и серебряной монеты принадлежало императору, сенат же распоряжался выпуском только медной монеты, именно поэтому Вителлий, по-видимому, не решился предписать сенату чеканку эмблемы квиндецимвиров и на медных монетах. Несмотря на утрату сенатом своего авторитета в террористической обстановке междоусобной войны, Вителлий мог встретить оппозицию со стороны части сенаторов, хотя бы потому, что он, император, настолько оказался невеждой в гражданском и религиозном праве, что сан верховного жреца принял в траурную для Рима годовщину битвы при р. Аллии.

Чеканка эмблемы квиндецимвиров только на золотых и серебряных монетах, конечно, ограничивала сферу распространения этого типа монет, поскольку среди большинства римского населения обращались в основном медные монеты. В известной мере это ставило предел достижению цели, преследуемой императором выпуском этой серии. Но в то же время следует иметь в виду, что на общем фоне недовольства Вителлием городские низы (составлявшие большинство населения Рима) лояльно относились к нему благодаря обычной для римских императоров политике подачек.

Говоря о причинах, вызвавших чеканку Вителлием на своих монетах эмблемы квиндецимвиров, следует заметить, что существует и иное мнение по этому вопросу. Так, английские нумизматы Г. Маттингли и Э. Сиденгем высказали предположение, что для Вителлия авторитет коллегии квиндецимвиров заключался в тех пиршествах, которыми была знаменита эта коллегия⁴. Однако подобное объяснение причин чеканки эмблемы квиндецимвиров, на наш взгляд, представляется недостаточным, так как основывается оно лишь на субъективных качествах Вителлия и не учитывает условий его правления.

Наконец, говоря о самих треножнике, вороне и дельфине, изображавшихся на монетах Вителлия, нельзя не остановиться вкратце на одном курьезном истолковании данного типа. Несмотря на то, что тип «треножник, ворон и дельфин» специально не исследовался, все нумизматы считали и продолжают считать, что Вителлий чеканил на своих монетах этот тип в качестве эмблемы квиндецимвиров. Однако в 1914 г. была опубликована статья В. В. Голубцова «Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг.» (ИАН, вып. 51, стр. 67—118). В данной статье Голубцов, анализируя, между прочим, типы ольвийских монет и, в частности, тип «орел и дельфин» (там же, стр. 85—90), пришел к выводу, что последний тип представляет собой созвездия «Орла» и «Дельфина», разгадкой чему является изображение небесной сферы и двух ее созвездий — «Орла» и «Дельфина» на одной из монет римского императора Вителлия (там же, стр. 86—87). Ошибка Голубцова заключается прежде всего в том, что он, не разобравшись доста-

³ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА, вып. 16 (1951), стр. 74.

⁴ H. Mattingly and E. Sydenham, *The Roman imperial coinage* т. I, L., 1923, стр. 222 (ср. H. Mattingly, *Coins of the Roman empire in the British Museum*, т. I, L., 1923, стр. CCXXIV).

точно в сопровождающей монетный тип надписи XVVIRSACR FAS, лишил свое предположение исторического основания. По свидетельствам источников, Вителлий, став императором, издал эдикт о высылке всех астрологов за пределы Италии (вероятно, за весьма неблагоприятный гороскоп, возведенный астрологами при рождении Вителлия) и вообще столь сильно ненавидел астрологов, что при каждом доносе на занимавшегося астрологией казнил его без суда (Suet., Vitell., 3, 14; ср. Tac. Hist., II, 62). Отсюда совершенно очевидно, во-первых, что Вителлий не мог чеканить на своих монетах типов, в какой бы то ни было степени связанных с астрологией; во-вторых, поскольку Вителлий не чеканил на своих монетах изображений созвездий, тип, рассматривавшийся Голубовым, не может служить ключом к объяснению изображения орла и дельфина на ольвийских монетах.

В. М. Брабич
